

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1997 г. К.Я. СИГАЛ

ПРОБЛЕМА ИКОНИЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ

(обзор литературы)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

За последние три десятилетия (1970-е–1990-е гг.), а точнее начиная с 1965 года, когда впервые увидела свет программная статья Р.О. Якобсона "В поисках сущности языка" [Якобсон 1983: 102–117], как в странах Западной Европы и США, так и в нашей стране опубликован целый ряд лингвистических исследований, посвященных проблеме иконоичности в языке. Как показывает выборочный анализ англо- и немецкоязычной литературы по лингвистике, употребление термина "иконичность" считается признаком хорошего лингвистического вкуса. Между тем этот термин часто употребляют вне его разумного соотношения с соответствующим ему понятием и теоретическим миром концепции, к которой он генетически восходит. Как подчеркивает немецкий лингвист Х. Зайлер, используя столь часто и безосновательно термин "иконичность", ученые отдают дань современной лингвистической моде [Seiler 1989: 165]. Неотработанность соответствующего понятия подтверждают отмеченные случаи полисемии термина, а также, что особенно показательно, использование как дублирующих терминов, образующих противопоставленные ряды понятий в исходной концепции (ср. в монографии [Панфилов 1977: 55 и сл.]: как дублирующие употребляются термины "иконичность" и "символичность"). Свидетельствуя о начальной фазе научного исследования проблемы, эти факты иллюстрируют и другое: попытки ученых-лингвистов разными путями прийти к адекватному понятию "иконичности". Примечательно и то, что уже дважды в течение последнего десятилетия собирались представительные международные симпозиумы, всецело посвященные проблеме иконоичности: "Иконоичность в синтаксисе" (июнь 1983 г., Стэнфорд) [IS 1985] и "Иконоичность в языке" (октябрь 1992 г., Рим) [IL 1995]¹. Меньшее внимание уделяют проблеме иконоичности отечественные лингвисты, что связано прежде всего с отсутствием переводов основных трудов по проблеме на русский язык, а также с недостаточным информационным обеспечением нашей вузовской науки. Предваряя собственно обзор литературы, отобранной нами беспристрастно, т.е. с учетом собственных научных интересов, и все же отражающей основные подходы к осмыслению проблемы иконоичности, заметим, что в отечественной лингвистике не существует никаких объективных препятствий для рассмотрения языка сквозь призму иконоичности.

¹ Реферативное изложение основных докладов, сделанных на конференции в Римском университете, можно найти в [Березин 1996].

Развитие лингвистической науки в XX в., формирование целостного "образа языка" (Ю.С. Степанов) в сознании ученых-лингвистов происходило под влиянием семиологического подхода к изучению языка. Неслучайность возникновения именно такого подхода в методологической рефлексии лингвистов подтверждается тем, что в недрах различных, подчас не пересекающихся лингвистических традиций (русской, западноевропейской, американской) складываются предпосылки для интерпретации языка, его единиц и категорий как знаковых сущностей. При этом следует отметить, что доминирующие в каждой из традиций семиологические концепции соотносятся друг с другом по-разному: так, если концепции русских И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского и швейцарца Ф. де Соссюра обычно признаются типологически близкими, то концепции того же Соссюра и американца Ч.С. Пирса (а также и его последователя Ч. Морриса), напротив, принято противопоставлять, считать их типологически некоррелированными, связывать их с различными парадигмами в лингвистике [Stetter 1979: 124–149; Shapiro 1983: 25–100; Dressler 1989]. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку в современной лингвистике именно контрверза Соссюр-Пирс занимает ведущее место в обсуждении адекватности семиологического портрета языка, нарисованного Ф. де Соссюром и долгое время безоговорочно принимавшегося большинством лингвистов. Здесь необходимо обратить внимание на то, что концепция американского философа и логика Ч.С. Пирса (1839–1914) оставалась практически неизвестной лингвистам в Западной Европе и России до появления уже упоминавшейся статьи Р.О. Якобсона. Это было связано с тем, что его труды начали издаваться лишь с 1938 года, причем малыми тиражами и после весьма неудовлетворительной текстологической обработки [Мельвил 1968; Якобсон 1996: 164]. Поэтому "во времена великого брожения в науке, которое последовало за Первой мировой войной, только что появившийся *Cours de linguistique générale* Соссюра не мог быть сопоставлен с аргументами Пирса: такое сопоставление идей одновременно и сходных, и противоположных, возможно, изменило бы историю общей лингвистики и начала семиотики" [Якобсон 1996: 164]. Тем примечательнее обращение Р.О. Якобсона именно к трудам Пирса, объясняемое существованием особых "парадигм разрыва" в развитии научной мысли [Кубрякова 1995: 164 и сл.]. Сам ученый тяжело переживал отсутствие у лингвистов глубокого интереса к трудам Ч.С. Пирса, в чем признался в одной из последних статей, носящей характерное название "Несколько слов о Пирсе, п е р в о п р о х о д ц е (разрядка моя. — К.С.) науки о языке" (1977 г.): "Я должен признаться, что на протяжении многих лет испытывал горечь от того, что был, возможно, единственным среди лингвистов, кто интересовался взглядами Пирса" [Якобсон 1996: 165]. Более того, Р.О. Якобсон был настолько увлечен пирсовской семиологией, что создал целую программу лингвистических исследований, базирующуюся на важнейших положениях последней [Мельчук 1995: 603–605, 618–621]. (Подробнее о данной программе и ее освоении см. в разделах "Иконичность в морфологии" и особенно "Иконичность в синтаксисе").

Основным положением семиологии Ч.С. Пирса, оказавшимся крайне важным для лингвистики, является типология репрезентάменов (т.е. знаков), опирающаяся на виды знакообозначения, которые в свою очередь базируются на различных взаимоотношениях между означающим и означаемым знака. Фундаментом данной типологии у Пирса, по мнению большинства лингвистов [Shapiro 1983; Кубрякова 1993], явились понятия интерпретанты (т.е. того "ключа, с помощью которого получатель сообщения понимает полученное сообщение" [Якобсон 1996: 147], скрытого от непосредственного наблюдения правила, по которому означающее и означаемое языкового знака (или знакового образования) связаны выражают некоторую концептуальную значимость) и интерпретатора, т.е. субъекта, которому в той или иной степени известны правила соотношения объекта в реальном мире, его когнитивного аналога и тела знака, под которое подводится данное когнитивное содержание [см. об этом подробнее [Кубрякова 1993: 21]]. С этим обстоятельством связано то, что уже в статье "В поисках

сущности языка" Р.О. Якобсон имплицитно, без употребления соответствующего термина, рассматривает типы знаков, выделенные Ч.С. Пирсом, как различные способы представления когнитивного содержания. Типология Ч.С. Пирса, которую в теоретической лингвистике правильнее было бы называть типологией Пирса-Якобсона, представляет собой триаду знаков: иконический знак – индекс – символ. Иконические знаки основаны на подобии означающего и означаемого (ср. замечание Ч. Морриса: "Семантическое правило употребления иконических знаков состоит в том, что они обозначают (денотируют) те объекты, которые имеют те же свойства, что и сами знаки, или чаще – некоторый ограниченный набор их признаков" [Моррис 1983: 58]), в то время как индексальные и символические знаки базируются на смежности означающего и означаемого. Однако если у индексального знака эта смежность реально существует и обнаруживается интерпретатором как факт, то у символического знака устанавливается по соглашению (ср. античную теорию *thései*). Примечательно, что в иерархии от иконического знака к символу уменьшается степень зависимости знака от своего аналога в реальном мире и/или в сознании интерпретатора. Кроме того, "указанные им (Пирсом. – К.С.) главные классы знаков не образуют замкнутых сфер, но постоянно накладываются друг на друга. Одно и то же явление может выступать в различных отношениях и как индекс, и как иконический знак, и как символ" [Мельвиль 1968: 198], т.е. между выделенными типами знаков не существует непреходимых границ, они могут совмещаться, а также динамически изменять свой статус в иерархии "иконичность ↔ символичность" (ср., в частности [Robertson 1983: 529–540; Виноградов 1993]). Поиски же лингвистического понятия иконичности² побуждают нас к тому, чтобы подробнее остановиться на трактовках иконических знаков у Пирса, Якобсона и их последователей.

Иконический знак, по Пирсу, основан на фактическом подобии означающего и означаемого. Такой "знак может служить знаком просто потому, что ему случилось быть похожим на свой объект" [Peirce VIII, 119]. Согласно Ч.С. Пирсу, иконические знаки представляют собой неоднородное явление, что позволило ему построить уже самостоятельную типологию иконических знаков, а точнее – степеней иконической репрезентации (таким же образом трактует эту типологию В. Дресслер [Dressler 1989: 13]): образ, диаграмма и метафора, причем от образа к метафоре степень иконичности уменьшается. Образ, по Пирсу, есть отражение "простых качеств" (*simple qualities*) означаемого в означающем (примеры таких знаков: фотографии, скульптуры и т.д., в языке – ономатопеи и идеофоны). Сходство между означающим и означаемым в диаграммах затрагивает исключительно отношения их частей. Диаграмматическим является тот знак, отношения между частями которого аналогичны отношениям между частями некой вещи (*of one thing*), обозначенной им [Peirce II, 277]. Рассматривая в качестве примеров диаграмм геометрические чертежи и схемы, Пирс специфику их иконических свойств видит в том, что "наглядная схема вовсе не должна иметь чувственного сходства с ее объектом. Достаточно, чтобы имела место аналогия между отношениями частей той и другого" (цит. по [Мельвиль 1968: 185]). Таким образом, в отличие от образов отношения сходства в диаграммах более абстрактны, и следовательно, степень иконичности диаграмм меньше, чем аналогичный показатель у образных знаков. Еще слабее это сходство (= подобие) у метафоры, которую Пирс понимает как знак, основанный на соотносительности его означающего с каким-либо элементом в другом знаке. Примечательно, что в большинстве лингвистических исследований, опирающихся в какой-то мере на пирсовскую концепцию знака, и прежде всего в работах Р.О. Якобсона, метафора даже не упоминается как один из модусов иконичности. Возможно, что это связано с приоритетом диаграмматичности в

² Следует заметить, что в зарубежной лингвистике наряду с термином "иконичность" активно используют термин "естественность" (англ. *naturalness*, нем. *Natürlichkeit*), причем эти термины, как правило, синонимичны или, что гораздо реже, находятся в гиперо-гипонимических отношениях ("естественности" – гипероним).

языке в целом и в грамматике в частности, а именно грамматика, как правило, изучается с точки зрения иконизма³, а также с отсутствием общепринятых взглядов на семиологическую природу метафоры. По мысли Ч.С. Пирса, иконические знаки исключительно важны в актах коммуникации. "Единственный способ прямой передачи какой-либо идеи, — писал Пирс, — состоит в передаче посредством иконического знака. Всякий косвенный метод передачи (communicating) идеи должен быть основан на применении иконического знака. Следовательно, каждое утверждение должно содержать иконический знак или ряд иконических знаков или должно содержать знаки, значение которых может быть объяснено лишь с помощью иконических знаков" (цит. по [Мельвилл 1968: 188–189]). Эта точка зрения Пирса оспаривалась философом А. Бёрксом [Burks 1949], считавшим наиболее важными в коммуникации индексальные знаки. Однако А. Бёркс по сути дела создает еще более отдаленный от человека "образ языка", чем Ф. де Соссюр, который между прочим признавал относительно мотивированные знаки, т.е. иконичные относительно системы. Язык не может быть в семиологическом плане исключительно индексальным или символическим (ср., в частности [Joseph 1995: 213–225]). Другой вопрос, в какой степени язык иконичен и в какой мере его иконические свойства определяют языковую деятельность человека.

Априорное обсуждение этого вопроса вылилось в два варианта теории иконичности — "сильный" и "слабый" (или лучше, "радикальный" и "умеренный"). "Радикальный" вариант теории, заключающийся в отстаивании иконической природы языка и иконичности как психосемиологического предусловия вербальной коммуникации, насколько нам известно, представлен лишь у сторонников античной теории *phrysei*. Они, прежде всего Кратил в одноименном платоновском диалоге, считали имя вещи подобным самой вещи по природе. Наиболее веский аргумент, доказывающий несправедливость "радикального" варианта теории иконичности, предложили специалисты по зоосемиотике. В результате длительных опытов последние пришли к выводу, согласно которому оперирование иконическими кодами является неотъемлемым свойством коммуникации в животном мире [Wescott 1971: 416–418]. Человек, с их точки зрения, должен оперировать более абстрактными кодами, которые функционируют вне непосредственной связи со своими аналогами в реальном мире. Содержавший также элементы научного радикализма и в какой-то мере отдававший дань ряду идей Н. Хомского (ср., впрочем, недавнюю попытку Ф. Ньюмейера вписать понятие "иконичности" в генеративную грамматику [Newmeyer 1992]), этот взгляд не получил поддержки у большинства лингвистов. На международном симпозиуме "Иконичность в синтаксисе", состоявшемся в июне 1983 г. в Стэнфордском университете США, американский лингвист Т. Гивон подчеркивал: "В отличие от животных люди в действительности развили способность создавать более абстрактные коды и манипулировать ими. Многие грани иконичности этих кодов постепенно становились все более и более произвольными или перемешанными с произвольными — "символическими" — элементами... Однако *homo sapiens* продолжил сохранять изначальное отношение к своим кодам, т.е. в них имеется нечто естественное, необходимое, непроизвольное (разрядка автора. — К.С.)" [Givón 1985: 215]. И далее Т. Гивон также говорил о "мере иконичности" (some measure of iconicity) в человеческом языке, апеллируя по сути дела к "умеренному" варианту теории иконичности. Его

³ Подтверждением приоритета диаграмматических знаков перед образными в организации языковых единиц является между прочим и развитие самой лингвистики. Так, если в 1960-е годы исследователи сосредоточили свое внимание на явлениях звукового символизма и в целом на поисках адекватной фоносемантической теории, то уже в середине 1970-х гг. была осознана периферийность иконической репрезентации на уровне звуков (и фонем), в связи с чем интересы лингвистов перемещаются к изучению иконических отношений в грамматике. Такая переориентация привела к возникновению в конце 1970-х — начале 1980-х гг. "естественной морфологии", а в середине 1980-х гг. и "естественного синтаксиса". Основной задачей этих направлений, охвативших почти всю университетскую лингвистику США и Западной Европы, было определить языковую специфику диаграмматического иконизма и обнаружить сферы проявления диаграмматических отношений в грамматических подсистемах языка.

методологические основания были изложены Р.О. Якобсоном в [Якобсон 1983: 102–117; 1985: 30–91, 369–420; 1996: 184–198] и др. Исследовательской позиции Якобсона была чрезвычайно близка философская позиция Сократа в диалоге Платона "Кратил", ибо у Сократа четко прослеживается мысль о примирении спорящих сторон (т.е. сторонников концепций "phusei" и "théseis") и о возможности принятия ими некоторого "умеренного", редуцированного варианта лингвофилософской доктрины именования. Сам Р.О. Якобсон комментирует речь Сократа следующим образом: "Примиряющий обе стороны Сократ склонен в диалоге Платона согласиться, что репрезентация через подобие преобладает над использованием произвольных знаков, но, несмотря на привлекательную силу подобия, он чувствует себя обязанным признать дополнительный фактор-условность, обычай, привычку" [Якобсон 1983: 105]. Восприняв всю глубину диалектического суждения Сократа, Р.О. Якобсон, подобно Пирсу, стал пытаться осмыслить проблему иконичности посредством поиска ответов на те вопросы, которые были поставлены в античной философии. Этим объясняется появление в его программной статье платоновского "вопрошания", но направленного уже не к природе вещей, а к языковой структуре, к ее внутренней организации. Так, Р.О. Якобсон пишет: "...попытаемся теперь рассмотреть иконический аспект языковой структуры и дать ответ на вопрос Платона: какого рода подражание (mimesis) используется языком для соединения означающего с означаемым?" [Якобсон 1983: 107]. Постановка этого вопроса свидетельствовала о том, что соссюрианская семиология и прежде всего ее трактовка внутренней связи означающего с означаемым знака не является единственно возможной, что в языке эта внутренняя связь между двумя сторонами знака (или знакового образования) может быть представлена не только как их произвольное, т.е. по сути дела случайное, соединение, но и как-то иначе. Это подтверждают появившиеся в начале 1990-х гг. данные о нейробиологических основаниях иконичности в языке (см. хотя бы раздел "The biological basis of iconic codes" в монографии [Givón 1990: 976–983]), а также особенно показательное заявление Р. Энглера, известного специалиста по текстологии Соссюра, сделанное им на международной конференции "Иконичность в языке" (октябрь 1992 г., Рим), о том, что "в сознании говорящего иконическая природа знака доминирует над произвольностью" (цит. по [Березин 1996: 37–38]). Более того, Р. Энглер в своем докладе обратил внимание на то, что имплицитно это положение имелось уже у Ф. де Соссюра. Иными словами, в рамках "умеренного" варианта считается, что в языке, являющемся динамическим продуктом человеческой когниции и коммуникации, имеются условия в том числе и для иконического соотношения между означающим и означаемым языковых знаков. Не менее очевидной оказалась и мысль о том, что "иконичность скорее относительная, чем абсолютная характеристика любой коммуникативной системы, в том числе и языка" [Wescott 1971: 426]. Лишь в лингвоконструировании, в моделировании искусственных языков можно достичь универсальных иконических соответствий (см. об этом в [Кнорина 1995: 110–120]).

В лингвистических исследованиях, ставших предметом нашего обзора, иконичность понимается так же, как и в выделенном здесь "умеренном" варианте. Иконичность рассматривают как один из модусов существования знака (наряду с индексальностью и символическостью), имеющий глубокие нейробиологические, когнитивные и коммуникативные основания и принадлежащий к относительным (а не абсолютным) характеристикам языка. Семиологической базой иконичности в языке принято считать диаграммное отражение некоторого аспекта структуры реального мира в структуре языка [Haiman 1980: 515]. Таков общий контур понятия иконичности, реконструируемый по имеющейся в нашем распоряжении лингвистической литературе. Поиски более адекватного толкования еще впереди. Однако хотелось бы высказать одно соображение, вызванное статьей немецкого лингвиста Х. Зайлера [Seiler 1989], где утверждается, что "таксономическая фаза" в лингвистическом исследовании проблемы иконичности слишком затянулась, что необходимо заняться "выработкой общей дефиниции концепта", "выяснением сущности иконичности" [Seiler 1989: 165]. На наш

взгляд, адекватное понятие иконичности можно выработать лишь в процессе направленного, в том числе и таксономического, исследования разнообразных ее проявлений в языковой структуре. Сущность иконичности невозможно понять априори, оставляя в стороне семиологическую палитру языка, открытую нам великими предшественниками – Ч.С. Пирсом и Р.О. Якобсоном.

ИКОНИЧНОСТЬ В МОРФОЛОГИИ

Различные проявления диаграмматического иконизма в морфологии с конца 1970-х – начала 1980-х гг. изучаются в рамках особой научной дисциплины – естественной морфологии. Теоретическими источниками последней стали прежде всего "естественная фонология" Д. Стэмпа, впервые заявленная в 1969 году на конференции в Чикаго, и концепция маркированности / немаркированности, разработанная Пражской лингвистической школой. Естественная фонология, согласно Д. Стэмпу, должна заниматься изучением фонологических процессов, представляющих собой "ментальные замены, которые систематически, но подсознательно приспособливают наши фонологические намерения (интенции, замыслы) к нашим фонетическим способностям" (цит. по [Dressler 1987: 3]). Для нового направления крайне важной оказалась мысль Д. Стэмпа и его последователей о том, что любое материально-языковое выражение опирается на определенные ментальные механизмы, т.е. мотивируется когнитивной деятельностью человека. Маркированность / немаркированность – ключевой концепт Пражской лингвистической школы – становится доминантным и в естественной морфологии. Маркированность здесь понимается традиционно как свойство одного из противопоставленных членов иметь выраженный дифференциальный признак, отсутствующий, и соответственно, не выраженный у другого члена. Посредством определения маркированного члена морфологического противопоставления в естественной морфологии устанавливаются с т е п е н ь с го естественности (*naturalness*, *Natürlichkeit*), ибо данное свойство задается в иерархии противопоставленных членов. Немецкий лингвист В. Майерталер в специальной монографии "Морфологическая естественность" пишет: "...элемент s_1 тем естественнее, чем менее s_1 маркирован" [Mayerthaler 1981: 2]. Как следует из трудов ведущих теоретиков естественной морфологии [Mayerthaler 1980: 19–37; 1981; Wurzel 1984; Plank 1979; Dressler et al., 1987], "стык" двух источников данного направления, т.е. естественной фонологии и пражской концепции маркированности, осуществляется в том, что признается существование так называемой семантической, или когнитивной (ср. у В. Майерталера [Mayerthaler 1981: 10]: "... 'семантический' означает прежде всего 'когнитивный' или 'концептуальный'"), маркированности категорий, отражаемой в морфологической маркированности этих категорий.

Семантическая маркированность категорий, согласно В. Майерталеру и В. Вурцелю [Mayerthaler 1981; Wurzel 1984: 21], зависит от того, насколько они "сохраняют" прототипические черты говорящего (*die prototypische Sprechereigenschaften*): семантически менее маркирована та категория, которая сохраняет эти черты. "Прототипические черты говорящего обусловлены биолого-психологически и социально-прагматически, частично они могут иметь и культурную специфику" [Wurzel 1984: 22]. И действительно, прототипический говорящий насыщает когнитивные образы категорий своими собственными чертами. Так, он понимает себя как с у б ь е к т а, стоящего на вершине иерархии одушевленности. Говорящий отождествляет себя с п е р в ы м л и ц о м, и поскольку он обычно говорит не хором ("und da er normalerweise nicht im Chorus spricht"), то его чертой становится 'единичность'. Говорящий живет в реальном мире ([+ индикатив]). Говорящий также создает лишь позитивный образ самого себя, т.е. он [+ позитив] и т.д. [Mayerthaler 1981]. Используя предложенный В. Майерталером символ *sēm*, обозначающий семантически менее маркированную категорию, можно представить отмеченные прототипические черты говоря-

щего и их противочлены в виде вертикальной последовательности иерархизованных цепочек, где компонент, записанный на первом месте, т.е. ближе к символу *sēm*, будет обозначать семантически менее маркированную (или базисную) категорию. Например:

- *sēm* (субъект, объект);
- *sēm* (одушевленность, неодушевленность);
- *sēm* (1-е лицо, другие лица);
- *sēm* (презенс, непрезенс);
- *sēm* (индикатив, неиндикатив);
- *sēm* (единственность, множественность) и т.д.

Кодирование семантически маркированных категорий, согласно теоретикам естественной морфологии, является оптимальным или максимально естественным, в частности, в том случае, когда оно конструктивно – иконично ("konstruktionell ikonisch ist"), или в терминах Р.О. Якобсона и Дж. Хэймана – диаграмматично [Mayerthaler 1981: 22–23]. Конструктивный иконизм в морфологии означает отражение асимметрии категорий с точки зрения семантической маркированности *sēm* (K_1 , K_2) на асимметрии кодирования [Mayerthaler 1981: 23]. Иначе говоря, иконические отношения возникают там и только там, где семантически более маркированная категория маркируется в коде, а семантически менее маркированная не получает специального маркера или же снабжается маркером с меньшим числом фонем (еще менее распространены собственно фонетические способы, например, умлаут и др.). Так, в индоевропейских языках маркированные формы (такие, как множественное число, претерит, косвенные падежи и компаратив) длиннее, чем соответствующие немаркированные формы, т.е. различаются по количеству фонологических единиц: англ. *book* 'книга' – *books* 'книги'; *jump* 'прыгаю' – *jumped* 'прыгал'; *they* 'они' – *their* 'их'; *big* 'большой' – *bigger* 'больше' [Wescott 1971: 424]. В морфологии, таким образом, существенна закономерность, согласно которой "протяженность знака отражает иконически его семантическую сложность" [Кубрякова 1993: 24].

Морфологический иконизм связан между тем не только с парадигматикой (т.е. с маркированностью / немаркированностью противопоставленных членов), но и с синтагматикой. И здесь, по-видимому, будет реализовываться иная закономерность. Попытку выявить ее предпринял Дж. Хэйман [Haiman 1983: 793–795], рассмотревший способы выражения отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в языках мира. По наблюдениям ученого, в австронезийских языках субъект отчуждаемой принадлежности (the alienable possessor) выражается отдельным именем, а субъект неотчуждаемой принадлежности (the inalienable possessor) – аффиксом в структуре имени, обозначающего объект принадлежности. Например, в языке наканаи *luma taku* 'дом мой'; *lima-qu* 'рука-моя' и т.п. В языке гуа, опять-таки по данным Дж. Хэймана, реализуется та же закономерность, но только не для суффикса, а для префикса. Присоединяемого к имени, обозначающему объект неотчуждаемой принадлежности. Ср.: *dgai* ~ *fu* 'моя свинья' и *d-za* ~ 'моя-рука'; *kgai* ~ *ru* ~ 'твой топор' и *k-ru* ~ 'твое-бедро'. Диаграмматический иконизм в приведенных примерах связан с тем, что говорящий, осознавая себя посессором как неотчуждаемых, так и отчуждаемых (т.е. присвоенных в процессе культуросоцидания) объектов, стремится к отражению характера принадлежности в характере синтагматических отношений между субъектом и объектом принадлежности: при выражении отчуждаемой принадлежности субъект и объект, будучи обозначенными разными словами, "отчуждены" друг от друга границей между словами в синтагматическом ряду, в то время как при выражении неотчуждаемой принадлежности субъект и объект выражены связано, в морфологических границах одного и того же слова. По мнению Дж. Хэймана [Haiman 1983], иконически в данных примерах выражена концептуальная дистанция (the conceptual distance) между

субъектом и объектом принадлежности, но важно отметить, что сферой иконизации в языке здесь является не что иное, как синтагматика морфологически цельнооформленных слов и синтагматика морфем в слове соответственно.

Немецкий лингвист Ф. Планк в работе [Plank 1979] в качестве эпиграфа приводит следующие слова У. Бенджамина: "Таким образом был бы язык высочайшей ступенью мимитического поведения и совершеннейшим архивом бессмысленных подобию". Здесь нарисована картинка языка, в котором принцип иконичности абсолютизирован. Очевидно, что таких языков не существует. Но также очевидно и то, что неправильно было бы недооценивать роль иконических знаков в организации системы языка. Как отмечалось еще в академическом "Общем языкознании" (1970 г.), "...слишком категорическое утверждение об абсолютной арбитrarности языковых знаков, на которой так настаивал Ф. де Соссюр, оставляет в тени разнообразные виды иконичности, в той или иной степени характеризующие язык" [Общее языкознание 1970: 150]. Теоретики естественной морфологии, опираясь по сути дела на "умеренный" вариант концепции иконичности, предложили считать, что морфологические процессы, выражающие ту или иную категорию, могут быть представлены в виде иерархии: от наиболее иконических к наименее иконическим. В процессе разработки естественной морфологии как самостоятельной дисциплины принцип иерархизации стал одним из ее фундаментальных принципов.

Так, В. Майерталер показал, что конструктивный (или диаграмматический) иконизм в морфологии представлен в виде иерархии иконичности, или иконического кодирования: а) *максимально иконическое кодирование*, когда оно конструктивно-иконично и сегментно-аддитивно (англ. *boy* 'мальчик' – *boy* + *s* 'мальчики'); б) *менее чем максимально иконическое кодирование*, когда оно конструктивно-иконично и модуляторно-аддитивно (нем. *das Haus* 'дом' – *die Häus* + *er* 'домá'); в) *минимально иконическое кодирование*, когда оно конструктивно-иконично и модуляторно (англ. *foot* 'ступня' – *feet* 'ступни'); г) *антииконическое кодирование*, когда оно не конструктивно-иконично (англ. *sheep* 'овца' – *sheep* 'овцы'); д) *контриконическое кодирование*, когда асимметрия категорий с точки зрения семантической маркированности отражается инвертированно на асимметрии кодирования (нем. *Eltern-teil* 'один из родителей' – *Eltern* 'родители') [Mayerthaler 1981]. Нельзя не заметить, что иерархия иконического кодирования отражает в данном случае и иерархию перцептивной прозрачности форм, ибо экспериментально было установлено, что иконические свойства языковых единиц облегчают их восприятие (см. об этом подробнее [Ransdell 1979: 51–66]).

Другим, не менее важным разделом естественной морфологии, в котором применяется принцип иерархизации, является исследование так называемых "конфликтов естественности" (*Natürlichkeitskonflikten*). Согласно тому же В. Майерталеру, такие конфликты могут возникать как между разными компонентами (например, прагматикой и конструктивным иконизмом), так и внутри одного компонента (между разными видами конструктивного иконизма) [Mayerthaler 1981: 30–36]. Примером межкомпонентного "конфликта естественности", по мнению В. Майерталера [Mayerthaler 1981: 44], является кодирование 3-го лица, где прагматика фаворизирует маркированность 1/2-го лица, в то время как в иерархизованной цепочке *sein* (1/2-е лицо, 3-е лицо) маркированности благоприятствует как раз 3-е лицо. Побеждают в данном конфликте, по наблюдениям ученого, прагматические факторы, т.е. формы 3-го лица менее маркированы, чем формы 1/2-го лица. Отсюда делается вывод, что прагматика в иерархии выше конструктивного иконизма (*Pragmatik* > *konstruktioneller Ikonismus*). Для иллюстрации внутрикомпонентного "конфликта естественности" В. Майерталер [Mayerthaler 1981: 45–46] рассматривает парадигму презенса индикатива в турецком языке: 1-е лицо ед. ч. *gel + iyor + um* 'я прихожу'; 2-е лицо ед. ч. *gel + iyor + sun* 'ты приходишь'; 3-е лицо ед. ч. *gel + iyor* 'он приходит'; 1-е лицо мн. ч. *gel + iyor + uz* 'мы приходим'; 2-е лицо мн. ч. *gel + iyor + sunuz* 'вы приходите'; 3-е лицо мн. ч. *gel + iyor + lar* 'они приходят'. 3-е лицо в подпарадигме ед. числа немаркировано, 3-е

лицо в подпарадигме мн. числа, напротив, на первый взгляд выглядит маркированным. Это впечатление изменится, как только суффикс *-lar* будет противопоставлен *-um/-sun/-uz/-sunuz* как показатель множественного числа в чистом виде. 3-е лицо в подпарадигме мн. числа, таким образом, также не кодируется. Рассматривая формы *geliyorlar* и *geliyor* на фоне парадигмы презенса индикатива, исследователь заключает, что иконическое кодирование противопоставления по числу в иерархии выше, чем иконическое кодирование противопоставления по лицу. Иерархизация в предложенных двух примерах, как кажется, используется не только как способ представления эмпирического материала, но и как способ его интерпретации: иерархически выделенный компонент "снимает" ситуацию "конфликта естественности", и следовательно, более существен в морфологическом означивании категорий.

Специфической особенностью естественной морфологии, выделяющейся на фоне других современных морфологических концепций, является включение в объект анализа процессов словообразования. Это связано с тем, что, по мнению теоретиков направления, 1) только флексии и деривационные аффиксы (и правила!) могут быть смешанными (*can be intermingled*), т.е. один и тот же формант может быть и флексией, и дериватором; 2) и флективная морфология, и словообразование способны изменять классы слов; 3) в обеих сферах используется супплетивизм; 4) в диахронии флективные морфемы (и правила!) могут приобретать деривационный статус, и наоборот [Dressler 1987: 4]. Отмеченная особенность отразилась в названии программной статьи В. Дресслера "Словообразование как часть естественной морфологии" [Dressler 1987: 99–126]. Изложенные в этой статье взгляды на проблему иконичности в словообразовании заслуживают специального рассмотрения. Согласно В. Дресслеру, словообразование имеет две основные функции: а) лексическое обогащение языка, т.е. формирование новых слов (в этом смысле словообразование обслуживает когнитивную функцию языка) и б) морфотактическую и семантическую мотивацию существующих слов, и следовательно, облегчение (*the facilitating*) коммуникативных процессов и хранения слов в памяти [Dressler 1987: 99]. К наиболее простым случаям деривационной иконичности В. Дресслер относит слова, обозначающие щебетанье птиц. Им свойственны элементы иконичности, ибо, во-первых, они могут имитировать звуки птичьих криков, т.е. быть оноματοпоэтическими словами типа англ. *to twitter*, *chirp* = нем. *zwitschern* = рус. *чипукать* = новогреч. *teret-izo* и т.д., а во-вторых, они могут иконически отражать в означающем повторяющуюся структуру птичьих криков (означающего) при помощи редупликации: ит. *pi-pi(l)-are*, алб. *ci-cër-uar*, венг. *csi-csereg*, новогреч. *tit-tyv-iz-o* [*tit: i'vizo*]. Очевидно, что второй вид иконичности имеет более абстрактную природу, он диаграмматичен, так как интерпретантой знака здесь выступает отношение повторяемости само по себе, вне исключительной соотнесенности с образной имитацией птичьих криков, как в примерах первого ряда. Более частотными случаями словообразовательного иконизма являются сложные слова типа англ. *corner stone* и *stone corner*, где первый компонент семантически квалифицирует второй компонент. "Линейный порядок семантической детерминации иконически отражается в морфологии: второй компонент является базисным (главным) не только с семантической, но и с грамматической точки зрения. Так, флексию способен присоединять только второй компонент, т.е. *corner stone-s*, а не **corner-s stone*. В языках с родовыми различиями сложное слово принимает род второго компонента. Таким образом, нем. *Laub-wald* 'лиственный лес' муж. рода, как и слово *Wald* 'лес', но *Wald-laub* 'лесная зелень' – среднего, как и слово *Laub* 'зелень, листва'" [Dressler 1987: 101].

Центральный пример иконичности в словообразовании подобен случаям максимально иконического кодирования во флективной морфологии [Mayerthaler 1981: 43; Dressler et al. 1987]. Таким примером является девербатив со значением 'агента' типа англ. *read-er*, где деривационный процесс состоит в присоединении к основе глагола (т.е. *to read*) и ее значению суффикса *-er* и несомой им агентивной семантики соответственно. Здесь очевидна диаграмматическая аналогия между семантической и

морфотактической структурой слова. Если обозначить семантическую структуру девербатива формулой (A + B), а морфотактическую – формулой (a + b), то вслед за В. Дресслером [Dressler 1987] мы можем сказать, что А, значение глагола *read*, представлено символически с помощью *a*= англ. *read-*, В, значение агентивности, с помощью *b*= суффикс *-er*, и в этом отношении англ. *read-er* – символ, подобный нем. *Les-er*, ит. *legg-itore*, рус. *чита-тель*, венг. *olvas-ó* и т.п. Но в то же время эти слова мотивированы и семантически, и морфотактически с помощью их производящих глаголов (*to read* = *les-en*, *legg-ere*, *чита-ть*, *olvas*) и специфических по языкам агентивных суффиксов; здесь имеется диаграмматическое отношение между семантической и морфологической мотивацией. Относительно рассмотренного иконического правила аффиксации и отсутствия в данном случае каких-либо модификаций выявляются и другие, менее иконические или, вообще, антииконические правила словообразования. Эти правила обобщаются в виде двух иерархических шкал, построенных по принципу постепенной утраты иконических свойств (I) и сопровождающих их условий морфотактической прозрачности (II): I.1) иконическая аффиксация; 2) неиконическая конверсия (англ. *to cut* → *a cut*); 3) антииконическая нулевая аффиксация (чешск. *lov-it* → *lov*; рус. *логика* → *логик*); II.0) отсутствие модификаций; 1) фонетические модификации; 2) нефузионные морфонологические модификации; 3) фузионные процессы на морфемном шве; 4) частичный супплетивизм; 5) полный супплетивизм [Dressler 1987: 104]. Согласно В. Дресслеру, знак, характеризуемый параметрами I.1) и II.0) является более естественным, чем знак, характеризуемый каким-либо иным набором параметров. Степень морфологической естественности убывает от I.1) к I.3) и от II.0) к II.5). В статье В. Дресслера выявлена и другая интересная закономерность: если язык использует технику I.3), то он использует и технику I.2); если язык использует технику I.2), то он использует также и технику I.1). Распределение языков по шкале II зависит от их типа; например, для агглютинативных языков характерна техника II.0), в меньшей степени II.1) и еще в меньшей степени техника II.2). Техника II.3) относительно распространена в фузионных языках, а II.4) и II.5) находятся на периферии в языке любого типа [Dressler 1987: 106–107]. Соотнесение выявленных параметров в иерархиях I и II с типами языков позволяет установить и некую универсальную закономерность, связанную с фаворизацией тех параметров, которые обеспечивают наименьшую затрату ментальных усилий в процессе хранения, употребления и восприятия производных слов. Эта закономерность объясняется тем, что более иконические и более прозрачные (transparent) комбинации знаков создают психолингвистически благоприятную атмосферу коммуникации. Видимо, поэтому высока степень иконичности морфологических правил в детской речи [Dressler 1987: 109]. Однако нельзя недооценивать и того, что данная универсальная закономерность может быть типологически более или менее адекватной. Так, в естественной морфологии было установлено, что агглютинативный тип языков наилучшим образом представляет как иконичность (только параметр I.1), так и морфотактическую прозрачность (почти исключительно II.0) и II.1) и минимально II.2) [Dressler 1987: 110].

С данным свойством агглютинативных языков связана проблема диаграмматического иконизма в расположении аффиксов относительно корня, изученная Дж. Байби [Bybee 1985: 11–40]. Согласно Дж. Байби, порядок аффиксов в именных и глагольных словоформах зависит от того, насколько выражаемое тем или иным аффиксом значение релевантно для значения имени и глагола соответственно. Так, в турецком *ev-leri* 'дома' (аккузатив) *ev-* – корень, *-ler-* – показатель мн. числа, *-i* – падежный суффикс аккузатива (пример из [Mayerthaler 1981: 150]): числовой аффикс предшествует падежному в ранговой структуре слова. Это связано с тем, что "число непосредственно воздействует на сущность или сущности, обозначенные именем. Падеж же, напротив, только лишь изменяет отношение одной сущности к другой в предложении" [Bybee 1985: 25]. То есть порядок морфем *n(имя) + число + падеж* отражает диаграмматически степень воздействия семантики аффикса на референциальные свойства

имени. Порядок расположения аффиксов относительно корня глагола у Дж. Байби представлен следующей иерархией: вид > время > наклонение > лицо. Ее семантические основания заключаются в том, что вид и время более релевантны для семантики глагола, наклонение же связано с пропозицией в целом, а лицо является показателем партиципентов. Ср. пример из хиналугского языка: *ки-р-ет-мя* 'делает', где *ки-* есть корень, *-р-* показатель несов. вида, *-ет-* показатель наст. неопред. времени, *-мя* – показатель изъяв. наклонения (пример из [Кибрик 1992: 31]). В исследованиях Дж. Байби на материале 50 языков также было установлено, что показатель более релевантной для глагола морфологической категории в большей степени способен к фузии с глагольным корнем, и в этом также нельзя не усмотреть отношений диаграмматического иконизма [Bybee 1985: 28].

Поскольку традиционная морфология дала исчерпывающее описание разнообразных морфологических процессов (аффиксации, повтора, редупликации и т.п.), в естественной морфологии была поставлена задача выявить их иконический функциональный потенциал (ikonisches Funktionspotential). Так как не все морфологические процессы предназначены исключительно для кодирования специфических семантических категорий, сферу процесса P_1 следует считать его иконическим функциональным потенциалом, если в ней P_1 может выступать как средство потенциального конструктивно-иконического и/или фонетико-иконического кодирования [Mayerthaler 1981: 112]. В последнем случае имеется в виду кодирование семантически маркированных категорий средствами фонологически маркированных сегментов (или последовательностей сегментов), идеофонов и звуко-символизма, акцентологии слова и фразы, аблаута и др. Легко заметить, что различные типы морфологических процессов имеют свойственный именно им иконический функциональный потенциал (далее ИФП). Так, рассматривая ИФП θ -процесса, В. Майерталер подчеркивает, что сфера ИФП данного процесса – кодирование базисных категорий и что конверсия (т.е. случаи типа англ. *to cut* → *a cut*) находится вне иконического потенциала θ -процесса [Mayerthaler 1981: 112]. Выявление ИФП разнообразных морфологических процессов позволило исследователям посмотреть на проблему и с другой стороны, поставив вопрос о том, какие морфологические категории в языке обычно выражаются иконически. По мнению В.А. Виноградова [Виноградов 1993: 47 и сл.], такой категорией является, в частности, одушевленность / неодушевленность в славянских языках, служащая прямым отражением представлений о живой и неживой природе и получившая морфологическую эксплицитность. Показательна и роль категории одушевленности как контролера семантической устойчивости африканских именных классов, определяемая опять-таки семиологическим статусом этой категории, ее принципиальным иконизмом [Виноградов 1993]. Здесь нельзя не отметить примечательную деталь: выявление иконического потенциала одушевленности как морфологической категории, по мнению В. Майерталера [Mayerthaler 1981: 167], представляет собой лишь перспективу естественной морфологии. Но эта перспектива уже стала реальностью в отечественной категориальной типологии [Виноградов 1993].

Общая ориентация естественной морфологии на семантическую (= когнитивную) интерпретацию морфологических процессов вызвала изменения в трактовке такого традиционного грамматического понятия, как продуктивность. Если в традиционном языкознании продуктивность часто отождествлялась с количественными параметрами, то в естественной морфологии под это понятие подводится "психическая реальность" (*psychische Realität*). Как следует из книги В. Майерталера [Mayerthaler 1981: 124–131], продуктивен тот морфологический процесс, который обладает значительным иконическим функциональным потенциалом, т.е. обеспечивает прозрачность (*Transparenz*) образуемых форм. Такое понимание продуктивности позволило теоретикам естественной морфологии ответить на вопрос о том, является ли диаграмматический иконизм одним из принципов организации морфологической системы. Утвердительно отвечая на него, В. Вурцель подчеркивает, что суть этого принципа заключается в том, что во флективной морфологии фаворизируются парадигмы, которые построены так, что

семантически (т.е. когнитивно) маркированная категория в них маркируется и на уровне кода [Wurzel 1984: 175–183]. Следует однако заметить, что отдельные ученые считают диаграмматический иконизм в морфологии периферийным явлением, отказывают ему в статусе одного из системоорганизующих принципов морфологии, допуская, впрочем, его языковую и психологическую реальность в сфере синтаксиса. "Диаграммное соответствие в языковых знаках, – пишет акад. Т.В. Гамкрелидзе, – можно усмотреть частично на синтаксическом уровне, где линейная последовательность членов синтаксической группы находится в определенной иконической зависимости от отношений порядка или ранга на уровне означаемых" [Гамкрелидзе 1976: 12].

ИКОНИЧНОСТЬ В СИНТАКСИСЕ

В зарубежном языкознании считается, что идея поиска иконических структур в синтаксисе вызрела и оформилась в недрах естественной морфологии как попытка обнаружить в языке реальные (а не системно детерминированные) диаграмматические соответствия между кодом и кодируемым. Здесь однако следует напомнить, что Р.О. Якобсон в своей статье "В поисках сущности языка" постулировал диаграмматический иконизм одновременно и как свойство морфологии, и как свойство синтаксиса [Якобсон 1983: 109]. Более того, заявленный как особое направление в середине 1980-х гг., естественный синтаксис (*natural syntax*) возводился его разработчиками не столько к уже существовавшей и переживавшей тогда стадию расцвета естественной морфологии, сколько непосредственно к трудам Ч.С. Пирса и Р.О. Якобсона, а также к "Логико-философскому трактату" (1921 г.) Л. Витгенштейна, где нарождавшееся научное направление обнаружило два крайне важные для него тезиса, а именно 1) "Предложение – картина действительности" и 2) "Знак явно представляет собой в данном случае некое подобие обозначаемого" [Витгенштейн 1994: 19]. Другим, не менее важным источником естественного синтаксиса была структурная типология, а именно типология порядков, основы которой заложил Дж. Гринберг в статье [Гринберг 1970]. "Особенно плодотворной", по выражению Р.О. Якобсона, была мысль Дж. Гринберга о том, что "порядок элементов в языке параллелен порядку в практической деятельности или в процессе познания" [Гринберг 1970: 150]. Однако до известной статьи Р.О. Якобсона данное положение Дж. Гринберга было всего лишь декларацией диаграмматического иконизма в синтаксисе, поскольку оно не нашло соответствующего категориального аппарата описания. В дальнейшем эта задача была выполнена Р.О. Якобсоном, применившим пражскую концепцию маркированности. Попутно заметим, что в этом смысле как раз естественная морфология была рецептирующей дисциплиной. Вопрос же о том, почему фундаментальная разработка проблемы иконичности в синтаксисе стала возможной на целое десятилетие позже, мы постараемся осветить в дальнейшем изложении.

В современных трудах, посвященных проблеме иконичности в синтаксисе, стало общим местом указание на то, что "пионером иконичности" (выражение Дж. Хэймана) в области синтаксиса был Р.О. Якобсон, сделавший конкретные наблюдения, которые показали, что, впрочем, и входило в замысел ученого, пути дальнейших разработок проблемы. Согласно Р.О. Якобсону, проявлений иконичности в синтаксисе следует ожидать прежде всего потому, что предположение существует в линейно-протяженном пространстве сообщаемого и в линейно-схемной форме закрепляется в системе языка (см. об этом также [Кубрякова 1993: 26 и сл.]). Так, Р.О. Якобсон писал: "Последовательность глаголов *veni, vidi, vici* (подчеркнуто мною. – К.С.) сообщает нам о порядке деяний Цезаря прежде всего и главным образом потому, что последовательность сочиненных форм прошедшего времени используется для воспроизведения хода событий. Временной порядок речевых форм имеет тенденцию к зеркальному отражению порядка повествуемых событий во времени и по степени важности. Такая последовательность, как "На собрании присутствовали *президент и госсекретарь*" (подчеркнуто мною. – К.С.), гораздо более обычна, чем обратная, потому что первая

позиция в паре однородных членов отражает более высокое официальное положение" [Якобсон 1983: 107]. Здесь Р.О. Якобсон по сути дела указал на значительный (и, к сожалению, не раскрытый до сих пор) иконический потенциал сочинительных конструкций (см., впрочем, работы [Санников 1989: 74–80; Сигал 1996: 67–76; Haiman 1985a; Plank 1979: 140–141; Givón 1995: 64–66]). Другим, не менее важным положением, также отстаиваемым ученым, явилось положение об иконическом характере семантико-синтаксических иерархий. Таково следующее наблюдение: "Подлежащее, единственный независимый член предложения, выделяет то, о чем говорится в сообщении. Каков бы ни был истинный ранг деятеля, он с необходимостью выдвигается в герои сообщения, как только берет на себя роль подлежащего. "Подчиненный повинуетсЯ главному" (The subordinate obeys the principal). Вопреки табели о рангах, внимание прежде всего сосредоточивается на подчиненном как на деятеле, а затем переходит на объект – на главного, которому повинуются" [Якобсон 1983: 108]. В этом положении, на наш взгляд, имплицитно заложена мысль о возможных иконических соотношениях между иерархией семантических ролей и иерархией актантных позиций при предикате, сформулированная как самостоятельная проблема в [Нунэн 1981: 362–363; Givón 1985; 1990]. Кроме того, именно Р.О. Якобсон впервые привлек понятие маркированности/немаркированности к исследованию иконичности порядков в предложениях с именными субъектом и объектом. Ученый показал, что, например, в русском языке представлены все шесть возможных типов расположения именного субъекта (s) и объекта (o) при глагольном предикате (v), выделенных Дж. Гринбергом [Гринберг 1970], т.е. svo, sov, vso, vos, osv и ovs, но при этом только порядок svo стилистически нейтрален или немаркирован. Иконический характер порядка svo связан с тем, что "начальная позиция субъекта по отношению к объекту, во всяком случае в немаркированных конструкциях, свидетельствует о иерархии концентрирования (focusing)" [Якобсон 1996: 190]. Сходным образом была осмыслена установленная Дж. Гринбергом [Гринберг 1970: 126] закономерность, согласно которой "в условных предложениях всех языков порядок, при котором условие предшествует следствию, является нормальным, первичным, нейтральным, немаркированным" [Якобсон 1983: 108]. Здесь обратим внимание на то, что у Р.О. Якобсона категориальный параметр [$\pm$ маркированность] понимается исключительно в структурном плане, но идея об "иерархии концентрирования", как кажется, легко может быть увязана с современной тенденцией к соотносению структурных и когнитивных процессов. Итак, анализ концепции Р.О. Якобсона показывает, что в его работах были заложены основы "естественного синтаксиса" середины 1980-х – начала 1990-х гг., одной из задач которого была и остается иконическая интерпретация разнообразных синтаксических явлений в синхронии (обзор некоторых подходов к диахронической интерпретации см. в [Николаева 1984: 111–119]).

Первооткрывателем иконической тенденции в организации синтаксических единиц и прежде всего предложения, как справедливо указывается в литературе вопроса [Givón 1985; 1990; Haiman 1985b], был сам Ч.С. Пирс, которому принадлежит следующее высказывание: "Расположение слов в предложении, например, должно выполнять функцию иконического знака (выделено мною. – К.С.), для того чтобы предложение могло быть понято" [цит. по: Мельвиль 1968: 192]. Связав коммуникативную адекватность предложения с иконическим потенциалом его структуры, Пирс по сути дела предвосхитил часть проблематики современного естественного синтаксиса, в том числе такие аспекты, как поиск интерпретации иконичности как одного из базовых принципов "грамматики говорящего" (применительно к синтаксису) и изучение разнообразных проявлений иконичности в синтаксисе. Ряд других аспектов возникли в связи с обращением к трудам Р.О. Якобсона (см. выше) и вовлечением синтаксиса в парадигмальную сферу когнитивно-прагматической лингвистики (см. об этом [Кубрякова 1995: 207]). К ним мы относим следующие: объяснение проявлений иконичности в синтаксисе посредством категориального параметра [$\pm$ маркированность]; выявление когнитивных оснований для иконического кодирования на уровне

синтаксиса; изучение взаимодействия когнитивных презумпций иконичности с культурными и текстовыми (дискурсными); разработка экспериментальной базы, позволяющей синтаксисту осуществлять "тестирование иконичности" (testing iconicity) [Östman 1989]. Наконец, отдельную проблему, появившуюся уже в более поздний период и вызванную своеобразным "иконическим бумом", составляет логико-методологический анализ понятийного аппарата, используемого в работах по естественному синтаксису. Вокруг обсуждения выделенных здесь семи основных сфер (или аспектов) проблематики данного научного направления и будет построено дальнейшее изложение.

Наиболее важной теоретической задачей, стоящей перед разработчиками естественного синтаксиса, является выработка общего понятия иконичности (заметим: независимого от естественной морфологии!), которое затем могло бы получать частные модификации при семиологической интерпретации различных синтаксических явлений. Такой подход к общему понятию иконичности, по всей видимости, должен объяснять последнюю как особый принцип, абстрагированный из разнообразных сфер его непосредственного проявления в синтаксисе. Попытку определить принцип иконичности, своеобразный "иконический императив" в самом общем виде предпринял американский лингвист Т. Гивон, согласно которому принцип иконичности заключается в том, что "при прочих равных условиях кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту" [Givón 1985: 189]. С предложенной ученым формулировкой принципа иконичности имеет смысл согласиться по двум причинам. Во-первых, в ней эксплицитно представлены все компоненты иконического семиозиса, выделенные еще Ч.С. Пирсом: *код* (= тело знака, означающее), *опыт* (= кодируемое, означаемое), *интерпретанта* (= изоморфное отношение между кодом и кодируемым) и, наконец, *интерпретатор*, относительно когнитивно-коммуникативной деятельности которого определяется минимальная ("легче") затрата ментальных усилий, требуемых для хранения, обработки и передачи кодируемого опыта. Во-вторых, такое понимание позволяет конкретизировать характер иконического соотношения кода и кодируемого в различных сферах проявления данного принципа, тем более, если знать, что, например, "реализация предложений в определенном порядке открывает возможности диаграмматического иконизма, тогда как в строении самой системы иконизм может проявиться только там, где отдельные участки этой системы должны быть иерархизованы" [Кубрякова 1993: 26]. (См. также [Verhaar 1987]). С другой стороны, вызывает сомнения трактовка Т. Гивоном сформулированного им принципа иконичности как *м е т а - п р и н ц и п а* (the meta-principle) [Givón 1985; 1990; 1995]. Ведь если он абстрагирован на уровне метаязыка, то очевидно, что иконичность есть принцип грамматического описания, а не принцип грамматической организации; если же принцип иконичности абстрагирован из анализа конкретных языковых фактов, то не совсем понятно, почему Т. Гивон относит его к мета-параметрам языка. Думается, что выделенные ученым принципы иконического кодирования (такие, как принцип количества, близости и порядка) относятся к указанному принципу не как к мета-принципу, а наоборот, данный (общий) принцип проявляется в частных принципах иконического кодирования в синтаксисе. Было бы методологически неоправданным терминировать отношения "общее-частное" в сфере объекта как отношения корреляции между элементом объекта и его аналогом в метаязыке. Важно помнить, что иконичность в определенной мере присуща языку, и лишь поэтому существенна для лингвистического описания, но не наоборот!

В монографии Т. Гивона [Givón 1990: 968–973] каждый из частных принципов иконического кодирования, находимых в синтаксисе, был соотнесен со специфическими для него когнитивными основаниями. Так, например, принцип количества (the quantity principle) заключается в том, что а) большей части информации обычно присваивается большая часть кода; б) менее предсказуемой (less predictable) информации дается больший кодирующий материал; в) более важной информации дается больший кодирующий материал. Примером для в), по Т. Гивону, является опущение топикально не выделенного агенса пассива и пациенса в антипассивной конструкции:

англ. (Passiv) *The beer was drunk in a hurry* 'Пиво было выпито в спешке'; (Antipassiv) *John drinks a lot* 'Джон много пьет'. Когнитивная основа принципа количества – сфера распределения внимания [Tomlin 1987: 458], ментальных усилий и приоритетного означивания (см. об этом также [Бергельсон, Кибрик 1987: 52–63]). Принцип близости (the proximity principle) связан с тем, что а) единицы, сопряженные друг с другом функционально, концептуально или когнитивно, как правило, располагаются ближе друг к другу в пространственной и временной структуре кода; б) функциональные операторы располагаются ближе к той единице кода, с которой они образуют концептуальное единство (the conceptual unit). Для (а) характерным примером является степень интеграции придаточного дополнительного в составе сложноподчиненного предложения: англ. *She forgot that she had gone* 'Она забыла, что она уже ушла'; для (б) – расположение морфологических операторов (падежных маркеров, детерминаторов, классификаторов, показателей числа) рядом с их операндами. В качестве когнитивной базы принципа близости Т. Гивон называет механизм ассоциативной памяти. Принципы последовательного порядка (sequential order principles) сводятся к тому, что а) порядок предложений в связном дискурсе имеет тенденцию отражать темпоральный порядок изображаемых ими событий. Например: англ. *He opened the door, came in, sat and ate* 'Он открыл дверь, вошел, сел и поел' (см. также [Haiman 1980: 528]); б) более важная или срочная информация, как правило, располагается первой в последовательности единиц кода (in the string); в) менее доступная информация обычно располагается первой в последовательности единиц кода. (Анализ некоторых примеров для (б) и (в) см. ниже). Как замечает Т. Гивон, когнитивно принцип (в) может быть подчинен (б), поскольку "не могущая быть предсказанной, менее доступная, неожиданная информация, вероятно, будет более срочной, чем предсказуемая, доступная информация" [Givón 1990: 973]. Когнитивную же основу иконического принципа порядка образует механизм распределения внимания, поскольку, как было доказано в психолингвистике, инициальный элемент в последовательности привлекает большее внимание и лучше запоминается, т.е. инициальная позиция является более естественной для важной и/или непредсказуемой информации [Givón 1990: 973] (см. также об этом [Лауфер 1990]).

Поскольку принципы иконического кодирования не задаются на семиологически однородном языковом пространстве, у лингвистов не вызывает сомнения то, что эти принципы реализуются не как обязательные, а как предпочтительные, т.е. допустимы различные отклонения от иконического кодирования. Кроме того, этому способствует также бинарный характер грамматических противопоставлений [Givón 1995: 28]. Такое положение дел не могло не привести ученых к использованию категориального параметра [$\pm$ маркированность] для объяснения иконических свойств той или иной структуры, тем более, что сама идея, имплицитно существовавшая в лингвистике с античных времен, уже была применена в естественной морфологии, а чисто в структурном плане и в синтаксисе. Главной проблемой, вставшей перед учеными, была проблема поиска критериев, которые могли бы быть использованы для различения маркированных синтаксических структур от немаркированных. Пожалуй, наиболее адекватной и теоретически, и эмпирически является подход, предложенный Т. Гивоном [Givón 1995]. Согласно Т. Гивону, существенны три главных критерия: 1) *критерий структурной сложности*, в соответствии с которым маркированная структура имеет тенденцию быть более сложной (или крупной), чем сопряженная с ней немаркированная; 2) *критерий частотности*, в соответствии с которым маркированная структура имеет тенденцию быть менее частотной, чем сопряженная с ней немаркированная; 3) *критерий когнитивной сложности*, в соответствии с которым маркированная структура имеет тенденцию быть когнитивно более сложной (в терминах затраты ментальных усилий, распределения внимания, а также времени, необходимого для продуцирования данной структуры), чем сопряженная с ней немаркированная. Особенность этих критериев, по Т. Гивону, заключается в том, что каж-

дый из них должен объясняться посредством двух других, и в этом ученый как раз и видит "общее отражение иконичности в грамматике" [Givón 1995: 28]. Примечательно, что данные теоретические положения подтверждаются большим количеством примеров. Рассмотрим лишь некоторые из них. Так, например, пассивные конструкции маркированы по сравнению с соответствующими им активными, причем их маркированность обусловлена и структурно, и статистически, и когнитивно. Так как пассивность конструкции всегда маркируется с помощью глагольной морфологии или вспомогательного глагола, то можно утверждать, что пассивные конструкции имеют более сложную структуру, чем соответствующие им активные. Но в т.н. пассивном субъектном имперсонале, по мнению Т. Гивона, данная закономерность нарушается, поскольку эти пассивные конструкции короче и менее сложны по структуре. Ср. его примеры из индейского языка юта: (Active) *tamach sivaatuch-i paxa-qa* 'Женщина козу убила' и (Impersonal passive) *sivaatuch-i paxa-ta-xa* 'Коза была убита'. Только в случаях типа англ. *The goat was killed by the woman* 'Коза была убита женщиной' большая структурная сложность пассивных конструкций, по Т. Гивону, не вызывает сомнений [Givón 1995: 44]. Позволим себе заметить, что структурная сложность пассивной конструкции не нарушается и в примере из языка юта, поскольку, во-первых, эллиптирование агенса здесь вторично (т.е. связано не с синтаксисом, а с прагматикой!) и, во-вторых, глагол маркирован морфологическим показателем пассива *-ta-*. Относительно критерия частотности можно утверждать, что, например, в каждодневном, неформальном английском дискурсе преобладают активные конструкции. По данным Т. Гивона, это справедливо и для других типов дискурса. Ср.: научный дискурс: 82% (АКТ) – 18% (PAS); художественная литература: 91%–9%; новости: 92%–8%; спорт: 96%–4% [Givón 1995: 44–45], т.е. в соответствии со вторым критерием пассивные конструкции должны быть также признаны маркированными. Когнитивная сложность пассивных конструкций связана с тем, что, по данным психолингвистики, они продуцируются с большими трудностями и гораздо позднее, чем активные, появляются в речи детей. В то же время немаркированность, и следовательно, естественность активных конструкций объясняется Т. Гивоном тем, что агенс, замещая позицию субъекта (топики), отражает антропоцентрическую ориентацию человеческой культуры и человеческого дискурса [Givón 1995: 45]. То же подтверждает и применение категориального параметра [$\pm$ маркированность] к анализу иконического потенциала актантно-ролевого синтаксиса. Так, известно, что иерархия главных семантических ролей (Агенс > Датив/Бенефактив > Пациенс > Локатив > Инструмент > другие) отражает их способность занимать более выделенную (топикальную) грамматическую позицию в предложении (субъект > прямой объект > непрямо́й объект). В иерархии грамматических ролей, по мнению Т. Гивона, отражается грамматикализация семантической иерархии [Givón 1995: 46]. Каждый из трех критериев маркированности применяется на корпусе предложений, в которых каждой грамматической роли приписывается соответствующая ей семантическая роль. С точки зрения структурной сложности грамматические роли субъекта и прямого объекта являются морфологически менее маркированными (или даже немаркированными). Такое положение дел, характерное для номинативных языков, принципиально меняется в языках эргативного строя, где субъект переходного глагола морфологически маркирован, и, кроме того, относительно редок морфологически немаркированный непрямо́й объект. Более выделенные (топикальные) семантические роли – Агенс, Датив/Бенефактив и Пациенс – с большей вероятностью могут занять грамматические позиции субъекта или прямого объекта. Поэтому легко предсказать, что субъект и прямой объект являются более частотными грамматическими ролями в тексте, т.е. они немаркированы [Givón 1995: 46]. Немаркированный когнитивный статус субъекта/Агенса и объекта/Пациенса доказывается их более ранним появлением в детской речи. Об их немаркированности с когнитивной точки зрения свидетельствует и то, что грамматические роли субъекта и прямого объекта кодируют когнитивно более выделенные (the cognitively more salient) партиципанты в описы-

ваемых состояниях и событиях [Givón 1995: 47]. Не стоит однако забывать о том, что универсальная иерархия семантических ролей может получать специфические модификации в конкретных языках. В русском, к примеру, по всей вероятности, (1) Агенса и Экспериментер должны занимать одну и ту же позицию в иерархии, поскольку для них наиболее характерна грамматическая роль субъекта, а (2) Причина в иерархии должна предшествовать Инструменту, поскольку легче продвигается в позицию субъекта, и, кроме того, Инструмент, выполняющий грамматическую роль субъекта, как правило, подвергается "каузальной" модификации. Ср.: *Мяч разбил окно; В дверь школы грубо стучала палка* (А. Платонов) и т.п. Высказанные в качестве гипотезы, (1), как кажется, свидетельствует о проникновении в зону синтаксического иконизма собственно символических, арбитранных элементов, способствующих укрупнению одной и той же позиции в иерархии, а (2) – о культурно-психологических основаниях иерархии семантических ролей. Примечательно, что гипотеза (1) может быть подтверждена применением чисто синтаксических (структурных) методов, а (2) – исключительно экспериментально.

Вопрос об экспериментальной базе иконического синтаксиса, актуальность которого определяется и выдвижением гипотез типа (2), и сложившимся еще в когнитивной психологии и психофизиологии представлением об иконичности как феномене человеческой психики, появился в поле зрения лингвистов не сразу и не вдруг: он достаточно долго вызревал в процессе методологической рефлексии ученых над собственными исследованиями феноменов иконичности в языке. Впервые этот вопрос был поставлен Дж. Хэйманом, который указал на то, что "психологическая (а правильное здесь было бы сказать "психическая". – Прим. мое. – К.С.) реальность иконических тенденций делает их тестируемыми (testable)" [IS 1985: 4]. Релевантность эксперимента при установлении иконических "универсалий", казалось бы, очевидна: положенные в основу когнитивной деятельности, обладающие психической (и психофизиологической) реальностью, они не могут быть чужды экспериментальному анализу, в котором иконический характер того или иного феномена грамматики раскрывается интерпретаторами (в смысле Ч.С. Пирса), имеющими самое интуитивное представление о языке. Между тем в изученной литературе, а следовательно, и в современной лингвистике вся важность экспериментальной базы иконичности в синтаксисе до конца не осознана. Единственной известной нам работой, затрагивающей проблему "тестирования иконичности" (testing iconicity) и построенной на обработке данных проведенного эксперимента, является статья финского языковеда Я.-О. Ёстмана "Тестирование иконичности: структура высказывания и вежливость" [Östman 1989: 145–163]. Опираясь на утверждение Дж. Хэймана о том, что "социальная дистанция между собеседниками соотносится с длиной сообщения" [Haiman 1983: 783], исследователь предположил, что иконическое соотношение формы и функции в языке является средством связи ступеней вежливости с физической длиной сообщения. При этом под формой Я.-О. Ёстман понимает, как это и принято в естественном синтаксисе Дж. Хэймана [Haiman 1985b], протяженность, длину слов и предложений в поверхностной структуре сообщаемого, а под функцией – вежливость, или скорее шкалу в сфере вежливости (one scale within the sphere of politeness), крайними точками которой являются формальный и неформальный регистры общения [Östman 1989: 145]. По мнению финского ученого, проверить эту гипотезу можно экспериментальным путем, причем так, чтобы выявить некоторую иконическую тенденцию как универсальную. Участниками эксперимента стали 194 студента-лингвиста, мужчины и женщины, в возрасте между 17 и 33 годами, причем для одних родным языком являлся финский, а для других – шведский. Поскольку данные языки относятся к разным языковым семьям и типологически не схожи, в качестве языка эксперимента был выбран искусственный язык Анрик, позволяющий избежать значительных "зазоров" в интерпретации данных, представленных обеими группами участников эксперимента. Процедура эксперимента была предельно проста. Каждому испытуемому предлагались пары высказываний на языке Анрик, которые в принципе означают одно и то же, но

используются различно: одна версия используется в более формальной ситуации, другая же – в более неформальной. Испытуемые должны были поставить знаки "I" (англ. informal) и "F" (англ. formal) перед соответствующими версиями. Иначе говоря, они должны были определить возможность использования каждой из версий в формальном или неформальном регистре. Так, при анализе пары⁴ 5а) *Kalekrosi melaka* и в) *Kalekrosi melaka selakato repalini* 164 человека (или 85%) определили, что (а) – версия используется в более неформальной ситуации, чем (в) – версия [Östman 1989: 148]. Со ссылкой на Дж. Хэймана [Haiman 1983: 783] Естман формулирует т.н. стратегию длины (the length strategy), согласно которой длиннее то высказывание, которое принадлежит к более формальному регистру. И действительно, чем больше социальная дистанция между коммуникантами, тем больше должна быть длина сообщения (т.е. как бы с учетом речевых и грамматических "формул" вежливости). Далее сопоставим результаты для 3а) *Resemi xalegaa peliskop* и в) *Resemi karakote xalegaa kolonija peliskop* (159 чел., или 82%, считают, что 3а – версия более неформальна) и 1а) *Karakre evidaxi lemotsi* и в) *Karakre ka evidaxi no lemotsi* (113 чел., или 58%, высказали мнение, что 1а – версия более неформальна). Примеры 3в и 1в похожи тем, что между словами, имеющимися также в 3а и 1а, встречаются т.н. "экстра" слова *karakote*, *kolonija* и *ka*, *no* соответственно. "Экстра" слова из 1в короче и менее сложны, чем "экстра" слова из 3в. Именно поэтому, судя по процентному соотношению, полученному при сопоставлении данных для 3) и 1), версия 1в может использоваться в более неформальном регистре, чем 3в. Это связано с т.н. "партиклевой" стратегией (the particle strategy), согласно которой более короткие, частицеобразные слова включаются, как правило, в высказывания, принадлежащие к более неформальному регистру [Östman 1989: 149–151]. Согласно Я.–О. Естману, если стратегия длины является иконически мотивированной, то "партиклевая" стратегия представляет собой особый случай эконоимной мотивации (is a special case of economic motivation) [Östman 1989: 159]. В одной из пар высказываний "тестировалась" ситуация совмещения обеих стратегий: 4а) *Se kesot ije karak ele semako* и в) *Se kesot ije ka re karak ele na semako*. 112 человек (или 58%) посчитали версию 4а принадлежащей к более неформальному регистру. По мнению финского лингвиста, это свидетельствует о своеобразной победе стратегии длины над "партиклевой" стратегией [Östman 1989: 159–160] и в свою очередь подтверждает гипотезу Дж. Хэймана о том, что при конкуренции (competing) эконоимной мотивации с различными видами иконичности эконоимная проигрывает [Haiman 1983: 814]. Таким образом, в результате проведенного эксперимента была подтверждена гипотеза Дж. Хэймана (кстати сказать, оспариваемая в [Givón 1985]) и кроме того доказана психологическая реальность иконичности, поскольку носители двух генетически и типологически различных языков обнаружили сходство в выборе аналогичных речесловесных стереотипов.

В литературе последних лет все чаще поднимается вопрос о взаимодействии когнитивных презумпций синтаксического иконизма с культурными и текстовыми. Рассмотрим его на примере расположения однородных актантов (далее ОА) [Сигал 1996: 68]. По мнению целого ряда исследователей (У. Купер и Дж. Росс, Ф. Планк, Т. Гивон, В.З. Санников, Н.И. Лауфер), порядок ОА определяется когнитивными установками говорящего и носит более или менее конвенциональный характер. Действительно, предпочтительный порядок ОА в случаях типа *президент и госсекретарь, майор и старшина, профессор и ассистент* и т.п. обусловлен имеющейся в сознании говорящего иерархией лиц по рангу. Никто в то же время не станет оспаривать и культурной детерминации такого порядка. То есть первый актант в ряду ОА выделен не только когнитивно, но и культурно [Givón 1995: 64–66]. Заметим, впрочем, что не всегда наблюдается подобная симметрия когнитивных и культурных презумпций

⁴Нумерация примеров здесь дается по статье Я.–О. Естмана [Östman 1989]. Количество примеров, рассматриваемых в данном обзоре, сокращено

иконического порядка ОА. Ср. наш пример: Не было уже ни всесильного *кардинала* Ришелье, ни подвластного ему *короля* Людовика XIII (М. Булгаков. Жизнь господина де Мольера). Здесь культурная презумпция "побеждает", поскольку, на наш взгляд, в ней содержится антропоцентрическое, историко-аксиологическое, но отнюдь не объективно-констатирующее восприятие ранговой иерархии лиц по общественному положению. Текстовые презумпции иконичности порядка ОА наиболее устойчивы, поскольку они формируются не только при взаимодействии с когнитивными и культурными, но и благодаря тому обстоятельству, что "иконичность знаков легче всего проявится в тексте из-за его пространственного расположения, прежде всего линейной протяженности текста" [Кубрякова 1993: 26]. В частности, последовательность введения актантов в текст, закрепленная в письменной форме пространственно ("выше" или "ниже"), а в процессе порождения и восприятия текста и темпорально ("раньше" или "позже"), способствует формированию их иконической рядоположенности в ряду ОА, стратегия порядка в котором задается последовательным "вплетением" этих актантов в текст. Естественно, что первую позицию в ряду ОА займет тот актант, который отмечен в предтексте, т.е. вводится "раньше" (= "выше"), чем другие актанты, образующие однородный ряд. Например: Перед тем как садиться обедать, она (Катя. – К.С.) разбила стакан, и теперь бабушка отодвигала от нее то стакан, то рюмку (А. Чехов) [Сигал 1997]. Исследование текстовых презумпций иконического порядка ОА приводит фактически к необходимости более глубоко изучить иконический потенциал текста. Позволим себе заметить и то, что именно отсутствие ориентации на текст, своеобразного текстоцентризма привело в свое время к задержке на целое десятилетие фундаментальной разработки естественного синтаксиса (по сравнению с естественной морфологией). Однако к середине 1990-х гг. большинство ученых именно с текстом связывают перспективы "иконических штудий" в области синтаксиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в современной лингвистике понятию иконичности, заявленному в философии и логике еще в дососсюржанский период, как показывает проведенный обзор литературы, отводится одно из ведущих мест в семиологической интерпретации языка. Лингвистика нашего времени откликнулась на призыв Р.О. Якобсона [Якобсон 1983: 107] и занялась сложнейшей по причине ее глубокой гносеологической и лингво-философской аспектуации задачей: выявлением иконического потенциала языковой структуры и прежде всего морфологии и синтаксиса. Однако логика развития научного направления, которое условно можно было бы назвать "Iconicity in language", привела к тому, что постепенно ученые осознали два важнейших момента: во-первых, то, что иконический статус единиц и категорий языка невозможно установить без обращения к структуре дискурса (текста), в котором собственно и происходит становление и функционирование этих единиц и категорий как знаковых сущностей и который ориентирован на иконичность; во-вторых, то, что система языка ограничивает иконическую стихию дискурса, внося в семиологическую структуру единиц и категорий морфологии и синтаксиса символические элементы, получающие свою значимость не относительно "естественных" оснований в реальном мире и/или в сознании человека, а относительно самой языковой системы. С теоретико-методологическим освоением выделенных двух аспектов, на наш взгляд, связаны перспективы данного направления. Первый может способствовать становлению семиологического анализа категориальной структуры языка как в синхронии, так и в диахронии (см. [Hopper, Thompson 1985: 151–183; Wierzbicka 1985: 311–342; Виноградов 1993]), а также "естественной" лингвистики текста, где текст и текстообразование рассматривались бы с точки зрения доминирования^{VS} ограничения иконичности в их структуре (см. введение в проблему в [Жолковский 1996: 77–92; Dressler 1989; Enkvist 1981: 71–111; Roventa-Frumusani 1980]). Фундаментальная разработка второго аспекта позволит, как кажется,

семиологически интерпретировать динамику языка, поскольку "система (код) языка и дискурс (текст) имеют различную семиологическую ориентацию: система – на символичность, текст – на иконичность, и это различие является одним из факторов языковой динамики" [Виноградов 1992: 2433]. В этом смысле семиология Пирса–Якобсона также превосходит соссорианскую, поскольку у Ф. де Соссюра и его последователей синхрония и диахрония были скорее противопоставлены, чем осмыслены как континуум последовательных семиологических состояний, что приводило в свою очередь к сомнительной концепции двойственной природы языка – одновременно знаковой и незнаковой.

Таким образом, направление "Iconicity in language", представляя собой контрверзу соссорианскому структурализму и в значительной мере генеративизму, а также вписываясь в современную постгенеративную парадигму лингвистики, позволяет по-новому взглянуть на язык и на науку о нем, что делает данное направление чрезвычайно перспективным и выдвигает в роль одного из доминантных среди лингвистических направлений и теорий, парадигмально прикрепленных к постгенеративизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. 1987 – Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Березин Ф.М. 1996 – Иконичность в языке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 6. Языкознание. № 1. 1996.
- Виноградов В.А. 1992 – Иерархия категорий в грамматической типологии // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. Berlin, 1992.
- Виноградов В.А. 1993 – Категориальная типология и языковой тип. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Витгенштейн Л. 1994 – Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- Гамкрелидзе Т.В. 1976 – "Принцип дополнительности" и проблема произвольности языкового знака. Тбилиси, 1976.
- Гринберг Дж. 1970 – Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
- Жолковский А.К. 1996 – How to show things with words // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. М., 1996.
- Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992.
- Кнорша Л.В. 1995 – Природа языка в лингвоконструировании XVII в. // ВЯ. 1995. № 2.
- Кубрякова Е.С. 1993 – Возвращаясь к определению знака // ВЯ. 1993. № 4.
- Кубрякова Е.С. 1995 – Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Лауфер Н.И. 1990 – Семантическая и формальная организация конструкций со значением множества (в связи с механизмом распределения внимания). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Мельвилл Ю.К. 1968 – Чарльз Пирс и прагматизм. М., 1968.
- Мельчук И.А. 1995 – 3 main features, 7 basic principles and 11 most important results of R. Jakobson's morphological research // Мельчук И.А. Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст". М.; Вена. 1995.
- Моррис Ч. 1983 – Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
- Николаева Т.М. 1984 – Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // ВЯ. 1984. № 3.
- Нунан М. 1989 – О подлежащих и толиках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
- ОЯ 1970 – Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Панфилов В.З. 1977 – Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977.
- Санников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
- Сигал К.Я. 1996 – Расположение однородных актантов и принцип иконичности // ИАН СЛЯ. 1996. № 4.
- Сигал К.Я. 1997 – Синтаксический иконизм и текстообразование. 1997 (В печати).
- Якобсон Р.О. 1983 – В поисках сущности языка // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
- Якобсон Р.О. 1985 – Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон Р.О. 1996 – Язык и бессознательное. М., 1996.
- Burks A.W. 1949 – Icon, index and symbol // Philosophy and phenomenological research. IX. 1949.
- Bybee J. 1985 – Diagrammatic iconicity in stem-inflection relations // Iconicity in syntax / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

- Dressler W.U., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W. 1987 – Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
- Dressler W.U. 1987 – Word formation as a part of natural morphology // *Leitmotifs in natural morphology*. Amsterdam, 1987.
- Dressler W.U. 1989 – Semiotische Parameter einer textlinguistischen Natürlichkeitstheorie. Wien, 1989.
- Enkvist N. 1981 – Experiential iconicism in text strategy // *Text*. 1981. N 1.
- Givón T. 1985 – Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // *Iconicity in syntax* / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Givón T. 1990 – Syntax: A functional-typological introduction. V. II. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Givón T. 1995 – Markedness as meta-iconicity: Distributional and cognitive correlates of syntactic structure // *Givón T. Functionalism and grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Haiman J. 1980 – The iconicity of grammar: isomorphism and motivation // *Language*. V. 56. 1980. N 3.
- Haiman J. 1983 – Iconic and economic motivation // *Language*. V. 59. 1983. N 4.
- Haiman J. 1985 – Symmetry // *Iconicity in syntax* / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Haiman J. 1985a – Natural syntax: iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Hopper P., Thompson S. 1985 – The iconicity of the universal categories "noun" and "verbs" // *Iconicity in syntax* / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- IS 1985 – Iconicity in syntax / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- IL 1995 – Iconicity in language / Ed. by R. Simone. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Joseph J.E. 1995 – Natural grammar, arbitrary lexicon: an enduring in the history of linguistic thought // *Language and Communication*. 1995. V. 15. N. 3.
- Mayerthaler W. 1980 – Morphologische Ikonismus // *Zeitschrift für Semiotik*. 1980. N. 2.
- Mayerthaler W. 1981 – Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.
- Newmeyer F.J. 1992 – Iconicity and generative grammar // *Language*. V. 68. 1992.
- Ostman J.-O. 1989 – Testing iconicity: Sentence Structure and Politeness // *Universals of language*. 1989. N 4.
- Peirce Ch.S. 1938–1952 – Collected papers of Ch.S. Peirce. – I–VIII. Cambridge (Mass.), 1938–1952.
- Plank F. 1979 – Ikonisierung und Deikonisierung als Prinzipien des Sprachwandels // *Sprachwissenschaft*. 1979. N 4.
- Ransdell J.M. 1979 – The epistemic function of iconicity in perception // *Peirce Studies*. 1979. 1.
- Robertson J.S. 1983 – From symbol to icon: The evolution of the pronominal system from Common Mayan to Modern Yucatecan // *Language*. 1983. V. 59. N 3.
- Roventa-Frumusan D. 1980 – L'iconicité dans le discours scientifique // *Revue roumaine de linguistique*. 1980. N 25.
- Seiler H. 1989 – Iconicity in functional perspective // *Universals of language*. 1989. N 4.
- Shapiro M. 1983 – Peirce's semeiotic. Sketch of a Peircean theory of grammar // Shapiro M. *The sense of grammar: Language as semeiotic*. Bloomington, 1983.
- Stetter Ch. 1979 – Peirce und Saussure // *Kodikas / Code*. 1979. N 1.
- Tomlin R. 1987 – Linguistic reflections of cognitive events // *Coherence and grounding in discourse* / Ed. by R.S. Tomlin. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Verhaar J. 1987 – On iconicity and hierarchy // *Studies in Language*. V. II. N 2. 1987.
- Wescott R. 1971 – Linguistics iconism // *Language*. V. 47. N 2. 1971.
- Wierzbicka A. 1985 – Oats and wheats: the fallacy of arbitrariness // *Iconicity in syntax* / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Wurzel W.U. 1984 – Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. Berlin, 1984.